

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

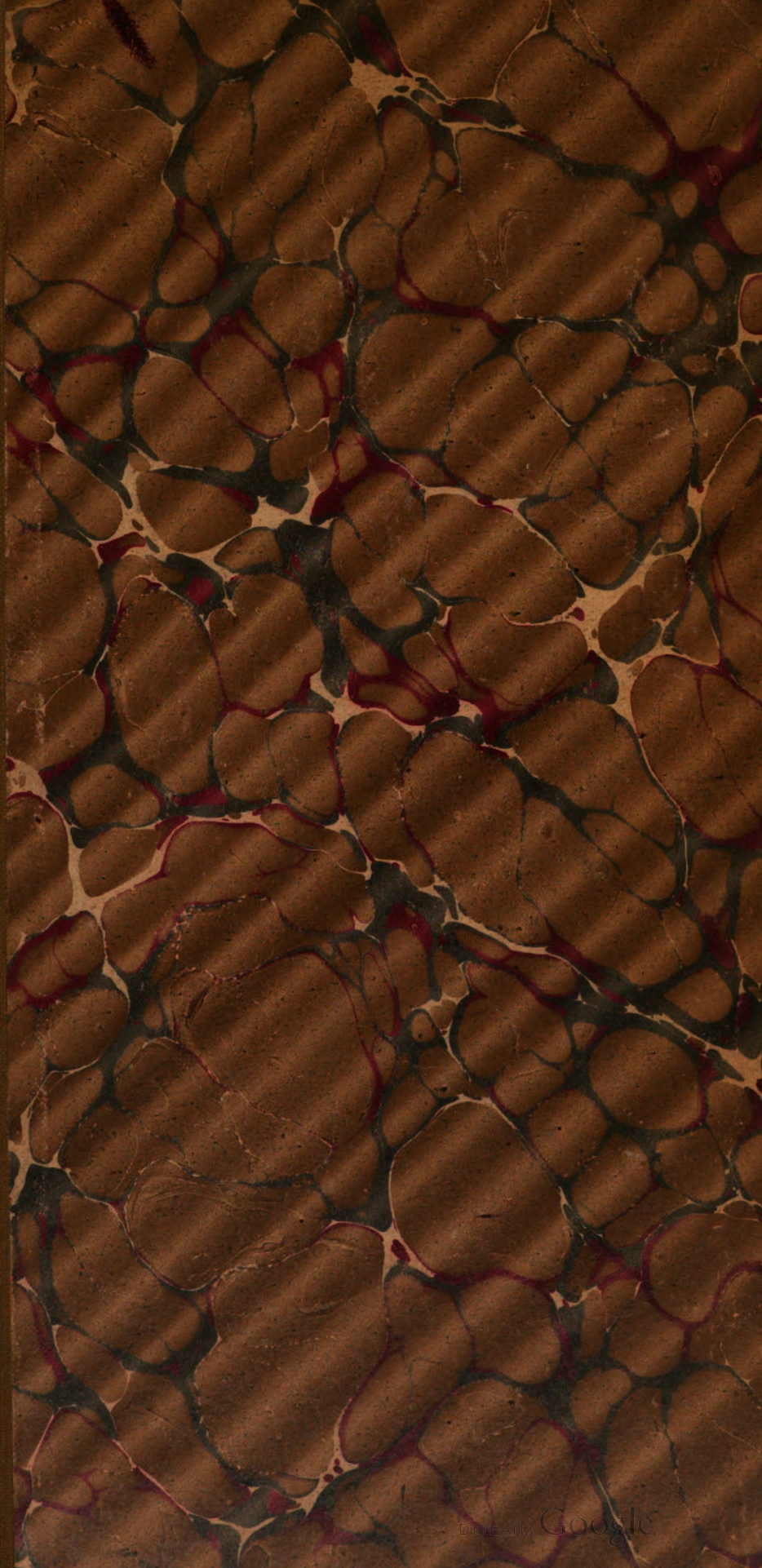
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

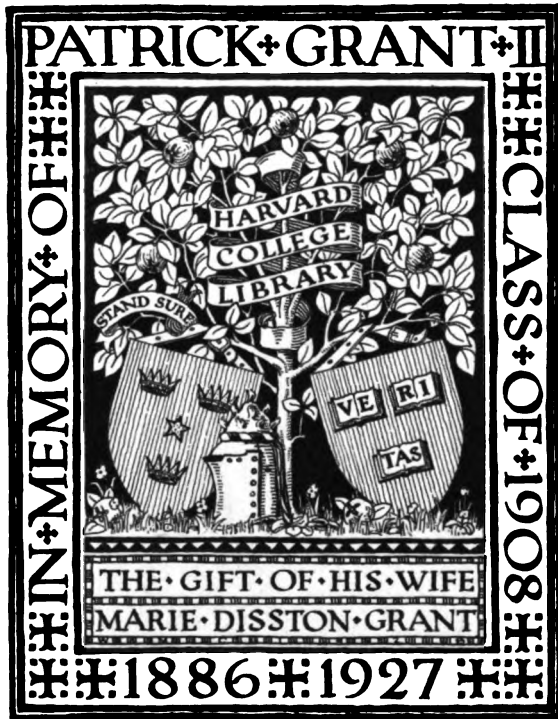
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

27222
16.50

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ - ЗАЛОЗЕЦКІЙ

27222 .16.50

272
Мужерко
304

СОТН

В. Д. ЗАЛОЗЕЦКІЙ.

О

БОЯНЪ

ВЪ

СЛОВЪ О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИССЛЕДОВАНІЯ О СЛОВЪ).

Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское-Предмѣтье № 3.

—
1901.

Printed in Russia.

27222.16.50

Grant Fund.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 9 октября 1901 года.

О БОЯНѢ

ВЪ

СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

(Отрывокъ изъ обширнаго изслѣдованія о Словѣ).

Рекъ Боянъ и ходы на Сватъслава, пѣснотворца стараго времени Юрслава: Ольгова когана хоти! Тажко ти головъ кромѣ плечю, зло ти тѣлѣ кромѣ головы — рвской земли безъ Нгора!

Стоимъ передъ самымъ темнымъ мѣстомъ Слова. Самъ авторъ его какъ бы ухитрился, завязать тутъ твердый не легко развязываемый узелъ, и мѣсто это успѣло уже отпраздновать сотую годовщину своей іероглифической таинственности. Много остроумія потрачено толкователями на развязку этого мѣста, да все понапрасну. Русскій Сфинксъ какъ то не хотѣлъ проглаголать. Наконецъ единоголосно заблагоразсудили взвалить всю вину на переписчиковъ. Они де испортили текстъ и затемнили его на этомъ именно мѣстѣ до неузнаваемости! Мы позволимъ себѣ быть другаго мнѣнія. Текстъ въ этомъ мѣстѣ удивительно цѣлъ. Недоставало только въ спискѣ, найденномъ А. И. Мусинымъ Пушкинымъ въ какомъ то старинномъ сборникѣ, соотвѣтной нынѣшнимъ правиламъ слога интерпункціи, сказать вѣрнѣе, не было никакой. Поэтому то и бѣгали одинокія слова сего мѣста безъ всякихъ преривательныхъ возжей вкривъ и вкось передъ глазами толкователей, цѣпляясь то за заднія, то за переднія строч-

ки. Къ этому прибавились еще и внутреннія затрудненія въ текстѣ. Авторъ позволилъ себѣ сдѣлать въ словахъ: „Рекъ Боминъ“ такую эволюцію мысли, о которой толкователямъ не могло и присниться. Дальше завѣяло отъ этого другого пѣснотворца Святослава особою таинственностью. Не успѣли еще толкователи познакомиться хорошо съ первымъ, сирѣчь съ Бояномъ, а тутъ, чего добраго, уже второй! Въ концѣ, эта Ольгова когана хотъ, эта голова, кромѣ плечей, это тѣло кромѣ головы! Взаправду, одни ребусы!

И однако, *litera nocet, litera docet*... Все возникшее тутъ недоразумѣніе произошло единственно отъ отсутствія тѣхъ знаковъ преемнанія, какіе употребляетъ нынѣшній слогъ.

Мы поставили эту интерпунекцію въ заголовномъ текстѣ, и пусть теперь читатель читаетъ. Не ясно ли, что слова: „Ольгова когана хотъ“ до „зю ты тѣла кромѣ головы“ включительно, апострофа къ этой коганей хоти? Это во первыхъ. Во вторыхъ, не ясно ли, что эта апострофа не подлинныя слова этого Бояна (Рекъ Боминъ), а только воспроизведеніе какой-то древней поэмы загадочнаго пѣснотворца Святослава? Къ чему же иначе тутъ это упоминаніе вскользь о немъ? Но и слова „и ходы на Скатъславла“ могутъ означать не что иное, какъ только воспроизводить мысли и слова этого Святослава, пѣснотворца. Въ эти времена не былъ еще языкъ на столько развитъ и устроенъ, чтобы хотъ какъ нибудь удовлетворять ученому комфорту поэта. Былъ тогда военный вѣкъ, вѣкъ меча, не пера. Все носило на себѣ бранный отпечатокъ: и влѣтъ дружинника, съ висащими въ ней доспѣхами, и пѣснь, не мыслимая въ это время безъ своихъ харалужныхъ мечей и каленыхъ стрѣлъ. Вся жизнь находилась, такъ сказать, въ ратныхъ походахъ. Бродили ратники по русскимъ и половецкимъ полямъ, бродилъ себѣ такъ же и слогъ поэта, обыкновенно также дружинника, воинствующимъ шагомъ. Въ древнемъ слогѣ означали слова: „ходить на половцевъ“ не только

ходить на нихъ боемъ, но и находить ихъ въ степи. Такъ же ходить и авторъ въ этомъ мѣстѣ на Святослава и находить его въ его-же словахъ. Слово „цитировать, воспроизводить“ не извѣстно было тогдашнему языку. Даже, пожалуй, послы не воспроизводили слова, пославшаго ихъ, иначе, какъ только подъ видомъ именительнаго падежа мѣстоименія „я“, словно былъ при этомъ самъ пославшій ихъ и говорилъ отъ себя-же свою рѣчь. Слово по формѣ слога было еще не раздѣлимо отъ личности человѣка. Обыкновенно ограничивались словомъ „рече“. Но такъ, какъ авторъ употребилъ это слово въ началѣ цѣлаго реченія (Рекъ Боянъ), то оставалось только подыскать другое, подходящее. Онъ и сыскалъ его въ обычномъ на тогдашнемъ бранномъ языкѣ реченіи: „и ходы“. Равно въ такомъ-же случаѣ и при подобной мысли авторъ Слова, посимый браннымъ крыломъ тогдашней поэзии, высказался въ самомъ началѣ своего эпоса: „Помнишеть бо речью пѣрвыхъ время оусобѣцъ; тогда пѣцашеть ї соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечуаше, та предн пѣснь помше...“

Это значить, что Боянъ, желая воспѣвать древнихъ русскихъ богатырей, *пускалъ* персты по своимъ гусямъ и мысли свои за ними, *ходилъ* на нихъ, *догонялъ* ихъ и воспроизводилъ ихъ славу. Поэтому реченіе „и ходы на Святъславла“¹⁾ значило-бъ только — ходить мыслью по немъ, воспроизводить въ своей пѣсни его слогъ и слова. Иначе оно не можетъ быть истолковано, тѣмъ болѣе, что сейчасъ-же и слѣдуютъ приведенныя слова этого Святослава: „Ольгова когана хотн“ и проч.

Спросимъ-же мы теперь, кто сочувственно цитируетъ

1) Форма „Скатыславла“ употреблена была авторомъ и раньше, напримѣръ: „Скатыславъ грозный“ или „въ грядицѣ Скатыславла“. Эта форма не стоитъ тутъ въ видѣ прилагательнаго, а только въ видѣ существительнаго и не означаетъ какого либо Святослава пѣснотворца, а просто пѣснотворца, коему имя было — Святославъ.

слова этого (Святослава) пѣснотворца стараго времени Ярославъ? Повидимому, самъ Боянъ, ибо авторъ Слова говоритъ выразительно: „Рекъ Боинъ“. Въ такомъ случаѣ, жили бы современно два русскіе барда въ XI вѣкѣ, вѣщій Боянъ, о которомъ авторъ въ самомъ началѣ своей пѣсни говоритъ: „та предн пѣснь поимше старомъ Ярославѣ“ и упоминаемый имъ въ концѣ пѣсни Святославъ, также пѣснотворецъ стараго времени Ярославъ, или же оба они — одна личность. Судя по дальнѣйшимъ намекамъ Слова, жили бы они еще совмѣстно и послѣ смерти стараго Ярославъ, при его сыновьяхъ, именно при дворѣ Святослава Ярославича, гдѣ одинъ изъ нихъ, сирѣчь Боянъ, пѣлъ „красномъ Ромлюкн Святъславанию“, а другой (сирѣчь этотъ пѣснотворецъ) — Святославъ, второму Святославову сыну, (гореславному) Олегу, какъ это видно изъ заголовка апострофы: „Ольгова коганя хоти“. Не ужели-же, спросимъ мы теперь, не мелькаетъ въ умѣ читателя, въ виду столь рѣдкой современности двухъ бардовъ и ихъ столь удивительно случайнаго пѣснопѣнія однимъ и тѣмъ же лицамъ, старому Ярославу и сыновьямъ Святослава Ярославича, подозрѣніе, что тотъ, кто пѣлъ красному Роману Святославичу, пѣлъ также и его брату Олегу, или его „коганей хоти“? Но если бы это было такъ, если бы нашъ вѣщій Боянъ оказался лицомъ тождественнымъ съ пѣснотворцемъ Святославомъ, то, спрашивается, кого разумѣть въ данномъ случаѣ подъ Бояномъ, рекшимъ (Рекъ Боинъ) и ходившимъ (и ходы)?

На первый взглядъ, этотъ разбираемый нами текстъ допускаетъ двухъ пѣвцовъ во время стараго Ярославъ, и нѣкоторые толкователи, скрѣпя сердце, не находили возможнымъ отрицать это. Нашъ О. Огоновскій сдѣлалъ даже обстоятельную оцѣнку ихъ поэтическихъ силъ и, отдавши подобающій почетъ соловью Бояну, назвалъ пѣснотворца Святослава „рифмачемъ“. На основаніи какихъ данныхъ? — это уму непостижимо. Вѣдь, ему и въ мысль не приходило, что слѣдующая сейчасъ, сильная, довольно

звучная строчка: Ольгава богани хоти! именно словесный плодъ этого „рифмача“.

Другаго Бояна, а тѣмъ болѣе рифмача, не водилось на Руси XI вѣка. Второй приходится на XII вѣкъ, и, бесспорно, это — авторъ Слова о полку Игоревѣ. Шѣвцы не плодятся подобно мухамъ. Они являются только черезъ долгіе промежутки времени... Кто же, спрашивается, загадочный пѣснотворецъ Святославъ? Читатель придетъ съ нами относительно этого имени въ очень интересному заключенію.

Говоря объ этой личности, мелькнувшей передъ нашими глазами только въ этой одной строчкѣ Слова, нельзя не коснуться такой же другой поэтической личности, удостовѣренной не только Словомъ, но и исторіей. Выскажемъ объ этомъ свои соображенія. Въ Лаврентьевской лѣтописи встрѣчается человекъ, по имени Янъ Вышатичъ (Вячеславичъ), другъ самого лѣтописца Нестора („отъ него же и азъ многа словеса слышахъ“ . Лавр. 120)— воевода Святослава Ярославича, послѣ Святослава Изяславича, до самой смерти тысяцкѣй города Кіева, послѣ князя и митрополита первѣйшая въ Кіевѣ личность. Онъ преставился 1106 г., проживъ годовъ девяносто; родился онъ годомъ позже смерти Владиміра, крестившаго Русь. Почти уже костенѣющей рукой внесъ Несторъ извѣстіе о смерти Яна въ свою лѣтопись, ибо только немногимъ временемъ пережилъ онъ своего вѣщаго друга. Быть можетъ, и сблизило этихъ первыхъ литераторовъ нашей Руси, чернца и воина, общее обоимъ искусство слова.

Вѣкъ мужества Яна приходился на княженіе Ярослава Мудраго. „Бѣ бо мужъ благъ, кротокъ и смѣренъ, огребаяся всякой вещи“ говоритъ лѣтописецъ о немъ — черты самыя поэтическія, особенно безсребренность, высказанная въ послѣднихъ словахъ. Дѣло его съ Ярославскими волхвами (Лавр. 75—76) являетъ намъ въ немъ человека, очень удалаго и буйнаго (Янъ = Буй Янъ = Боянъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ неспособнаго растераться и смысленнаго. Таковымъ онъ названъ даже прямо въ од-

помѣ мѣстѣ лѣтописи (Лавр. 94) — черта, похожая на поэта, по тогдашнимъ литературнымъ понятіямъ, говорить бо и самъ нашъ авторъ о Боянѣ такъ: „Томъ вѣщій Боянъ и пѣрвое припѣккъ смысленый рече...“ Онъ былъ другомъ знаменитыхъ духовныхъ дѣателей XI вѣка, св. Антонія и Θεодосія Печерскихъ. Когда Половцы въ первый разъ въ тяжкихъ силахъ пришли на Альту, Ярославичи — Изяславъ, Всеволодъ и Святославъ, прежде, чѣмъ выступили противъ, пришли въ пещеру св. Антонія за благословеніемъ. Съ ними былъ и Янъ. Преподобный Антоній предсказалъ имъ несчастный исходъ битвы, смерть отъ меча и воды и плѣненіе ратныхъ, но Яну, тогда вѣроятно дружиннику и домовнику Святослава Ярославича, сказалъ, что онъ останется цѣль, какъ будто этотъ человѣкъ умомъ и душой выдѣлялся изъ среды современниковъ и почему то нуженъ былъ для Руси. Была то, повидимому, необыкновенная личность, высоко одаренная натура (вѣщій Боянъ), человѣкъ не малой мѣры духа, пользовавшійся высокимъ уваженіемъ современниковъ. Объ его поэтическомъ талантѣ черницы, конечно, не упоминаютъ. Тогдашняя поэзія наполнена была своими Дажьдбогами, Дивами, Обидами, а это уже не могло быть по вкусу благочестивыхъ старцевъ; но слова Нестора „отъ него же и азъ многа словеса слышахъ“ (Никон. 140) заставляютъ думать, что этотъ человѣкъ былъ любознательнъ, начитанъ и рѣчистъ. Однакожъ суровый затворникъ внималъ только разсказамъ война, оставляя въ сторонѣ баянія пѣвца. Но разсказъ о волхвахъ внесенъ въ лѣтопись, повидимому, по подлиннымъ словамъ самого Яна. Онъ драматическій и обличаетъ художника. Не лишне бы, думаемъ, упомянуть тутъ еще объ его благочестивой женѣ Маріи. Когда она спросила однажды у св. Θεодосія, гдѣ будетъ ея гробъ, этотъ отвѣтилъ ей: „Гдѣ ляжу я, тамъ ляжешь и ты!“ Это предсказаніе исполнилось. Она была похоронена въ Лаврѣ, близъ Θεодосіева гроба. Имѣется затѣмъ предсказаніе двухъ вдох-

новенныхъ старцевъ для двухъ, повидимому, также вдохновенныхъ мірянъ.

Но изъ какой семьи происходилъ этотъ Янъ—Буй Янъ—Боянъ? Лѣтопись называетъ его Вышатичемъ, сирѣчь сыномъ Вышаты (Вячеслава). Лаврентьевская упоминаетъ о двухъ такихъ современныхъ тезоименникахъ, Вышатѣ, воеводѣ Ярослава I, посланномъ 1043 г. вмѣстѣ съ Владиміромъ Ярославичемъ на Греки и тамъ греческимъ императоромъ ослѣпленнымъ, и о Вышатѣ, сынѣ Остромира, новгородскаго воеводы, вмѣстѣ съ Ростиславомъ Владимычемъ, бѣжавшемъ въ 1062 г. въ Тмуторокань. Многіе думаютъ, что эти два Вышаты одно лицо—Остромировъ сынъ. Это не вѣрно ¹⁾. Если бѣжавшій въ Тмуторокань Вышата Остромирычъ былъ отцемъ нашего Яна (рожд. около 1016 г.), то ему во время этого бѣгства слѣдовало бы считать по меньшей мѣрѣ семьдесятъ годовъ жизни. Возможно ли, чтобы семидесятилѣтній старецъ, а при томъ уже и слѣпецъ, подвергался въ обществѣ буйнаго юноши Ростислава таковымъ авантюрамъ, какъ бѣгство степью и нападеніе на тмутороканскую крѣпость? Поэтому мы уже раньше въ нашемъ историческомъ разсказѣ, изданномъ во Львовѣ въ 1892 г.: „Ростиславъ, родоначальникъ Галицкихъ князей“, мы изобразили этого же Вышату въ цвѣтущихъ еще годахъ. И мы были правы. Рядомъ съ молодымъ Вышатою, Остромирычемъ, жилъ другой Вышата, человѣкъ уже не молодой, сынъ Творимира. Онъ назывался крестнымъ именемъ Иванъ, русскимъ, какъ это тогда водилось — Вышата и былъ воеводою Ярослава I. Этотъ и былъ отецъ Яна. Это выходитъ совершенно ясно изъ словъ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1043 г., стр. 66: „Посла Ярославъ сына

¹⁾ Здѣсь повторилась, по недосмотру критиковъ, исторія съ Шаруканомъ и Сърчаномъ, — однимъ лицѣмъ, какъ мы доказываемъ въ другихъ главахъ сочиненія, съ тѣмъ только различіемъ, что въ настоящемъ случаѣ надобно подъ однимъ именемъ разумѣть два лица.

своего на Гречи и вдаде ему вой много, а воеводство поручи Вышату, отцю Яневу. И поиде Володимиръ въ лодяхъ.... и князь корабль разби вѣтръ и взя князя въ корабль (свой) *Иванъ Творимиричъ, воевода Ярославъ*“ Просимъ прочесть эти строки внимательно, и не ясно ли, что принявшій воеводство Вышата, отецъ Яна, личность тождественная съ взявшимъ князя на свой корабль Иваномъ Творимиричемъ, воеводою Ярослава, ибо уже двухъ воеводъ у одного войска рѣшительно не могло быть? Впервые называетъ лѣтописецъ воеводу его русскимъ именемъ, Вышатою, и указываетъ въ немъ отца Янева, затѣмъ онъ раскрываетъ уже его крестное и отеческое имя. Очень знаменателенъ въ этомъ мѣстѣ косвенный намекъ на Вышатина сына Яна, человѣка, недостигшаго еще тогда тридцати лѣтъ жизни и не занимавшаго еще никакой общественной должности, ибо только въ 1071 году является онъ сборщикомъ черной дани для Святослава Ярославича. Не стали ли уже его гусли плѣвнать русскій миръ, не воспѣвалъ ли онъ уже старого Ярослава? Несторъ внесъ эту отмѣтку въ свою лѣтопись, конечно, только по давнѣйшимъ монастырскимъ запискамъ. Самъ зналъ онъ его человѣкомъ уже старымъ. Несторъ пришелъ въ Лавру юношей около 1068 г., а тогда Яну было годовъ около шестьдесятъ съ чѣмъ-то.

Итакъ, былъ Вышата, отецъ Яна, Творимиричемъ, не Остромиричемъ и назывался крестнымъ именемъ Иванъ. Сынъ его, нарочитый Боянъ, назывался этимъ же именемъ, но былъ также называемъ, должно быть, для нѣкотораго различія отъ отца — Яномъ. Это имя отзывается теперь полонизмомъ, но въ тѣ времена свойственно было и славяно-русскому слуху. У Всеволода Ярославича была также дочь Янка. Припомнимъ тутъ и имя болгарскаго царя *Калояна*, сирѣчь красиваго Яна.

Вышата Творимиричъ былъ воеводою Ярослава, а послѣ находимъ уже его сына Яна на этой должности у Ярославичей въ Кіевѣ, гдѣ онъ наконецъ въ 1106 г. скончался тысяцкимъ этого города, то есть первымъ кня-

жескимъ воеводой. Дальше дѣда Творимира родъ Яна— Бояна прослѣдить невозможно за недостаткомъ лѣтописныхъ указаній. Но можно ли считать этого знаменитаго, уже въ его юности отмѣченнаго лѣтописцемъ, Яна, упоминаемымъ въ Словѣ Бояномъ? Все говорить въ пользу этого: его безсребренная душа, его умъ, его приближенность къ двору Ярославичей, его монастырскіе друзья и покровители, его образованіе, первѣйшее гражданское и военное положеніе въ русскомъ обществѣ, наконецъ, его имя также, столь сходное съ словомъ Боянъ, повидимому, сложное изъ „Буй“ и „Янъ“. Слово „Янъ“, какъ односложное, допускало слияніе съ какимъ нибудь другимъ придаткомъ, какъ мы это уже видѣли выше въ Калоянѣ. Въ параллельномъ сопоставленіи историческаго Яна и упоминаемаго Словомъ Бояна не оказывается никакого, ни вѣшняго, ни внутренняго противорѣчія, могущаго возбудить сомнѣніе на счетъ ихъ тождества, и Вельтманъ, первый высказавшій эту догадку, хоть и не доказавшій основательно, былъ правъ. За нимъ послѣдовалъ С. П. Кораблевъ. Только А. Вельтманъ читалъ Бояна въ самомъ-же текстѣ Яномъ, называя его вѣщимъ, въ чемъ не было никакой нужды; ибо слово „Боянъ“, такъ или иначе, какъ помен appellativum отъ слова „баять, пѣть“, или какъ собственное имя, безразлично для читателя.

Но проведемъ эту параллель. Боянъ пѣлъ, какъ узнаемъ изъ Слова, старому Ярославу — въ это время находился нашъ Янъ Вышатичъ въ цвѣтущихъ годахъ и обращалъ уже вниманіе лѣтописца на себя не пѣснью ли про этого самого „стараго“ Ярослава?

Боянъ пѣлъ Роману, пѣлъ Олегу Святославичамъ („красномъ Романовн“ — „Пѣти было пѣснь Нгоревн, того (Олега!) вивкъ); но тогда былъ нашъ Янъ воеводою Святослава, и если уже чьи, то именно его только гусли могли грустно забренчать въ виду столь трагическихъ событій въ семьѣ Святослава то въ виду авантюрныхъ, разныхъ походовъ бездомнаго изгоя Олега, предтечи на-

шего Берладнива, то въ виду облѣвующихъ въ дальней стени костей красиваго Романа, убитаго Половцами (1078 г.), о чемъ говорить, сокрушаясь, и Несторъ: „суть кости его и доселѣ“. Судя по словамъ „и доселѣ“, можно думать, что лѣтописецъ написалъ эти краткія строки спустя уже долгое время послѣ самого событія. Но кто могъ сообщить ему это, кто могъ внушить этотъ одинъ, краткій, но черный, драматическій штрихъ, если не Янъ, знавшій объ этихъ непогребенныхъ костяхъ, какъ ратникъ, и соврушавшійся о нихъ, какъ поэтъ?

Наконецъ, пѣлъ Боянъ и о Всеславѣ Полоцкомъ, скончавшемся 1101 г.; значить, онъ пережилъ его, но и нашъ Вышатичъ пережилъ его также цѣлыми пятью годами. Замѣчательная гармонія параллельныхъ чертъ, пожалуй, даже слишкомъ замѣчательная, чтобы быть только случайной. Что Боянъ пѣлъ о Всеславѣ и что-то даже въ родѣ поэтического некролога по немъ, это узнаемъ изъ слѣдующихъ строкъ Слова: „Аще и въца дѣша въ друзѣ тѣлѣ (т. е. Всеслава), но часто въды страдаше. Томя въщей Боимъ и прѣвое припѣкъ смысленый рече: Ни хнтра, ни горазда, ни птицю горазда съда Божіа не минятн!“

Въ этихъ словахъ Боянъ относится къ Всеславу Полоцкому какъ къ умершему уже, ибо слова: „не минутъ суда Божія“ означали въ древнемъ русскомъ слогѣ то же, что умереть. Не говорить тутъ Боянъ о земномъ срокѣ, еще только предстоящемъ Всеславу, но какъ о исполненномъ уже. Въ этихъ словахъ почти чувствуется окончательное опущеніе занавѣса на всю жизнь Всеслава. „Се мы уже идемъ на судъ Божій“—говоритъ Изяславъ Мстиславичъ, идя на войну (Ипат. 62). Въ русскомъ переводѣ Іосифа Флавія сказано въ одномъ мѣстѣ: „И тогда падеся судомъ (Божьимъ)“... Сказалъ ли Боянъ этотъ панегирікъ сейчасъ послѣ смерти Всеслава или только спустя нѣкоторое время, для насъ безразлично. Онъ могъ, конечно, отпѣть его и позже. Для насъ важно и очень важно то, что онъ пережилъ Всеслава, скончавшагося

въ 1101 г., но и нашъ Янъ Вышатичъ скончался только 1106 г. Лѣтописныя данныя о смерти Всеслава включъ къ развязкѣ трудной дилеммы о Янѣ—Боянѣ и мы затѣмъ ни на минуту не колеблемся признать Яна Вышатича, „добраго старца“, вѣщимъ Бояномъ Слова. Просимъ читателя, еще разъ коротко пересмотрѣть параллель. Боянъ воспѣвалъ стараго Ярослава и кончилъ на Всеславѣ Полоцкомъ, Янъ же жилъ также при Ярославѣ, почтенъ лестнымъ, косвеннымъ намекомъ самаго лѣтописца и пережилъ, подобно Бояну, этого Всеслава, оба люди смысловые, оба видные общественные дѣятели, оба деваностолѣтніе старцы (о Боянѣ можно это предполагать, объ Янѣ это утверждено), оба удивительно похожи другъ на друга и по слову и по Нестору, такъ въ чему же двойтъ ихъ и почему разлучать этихъ сіамскихъ братьевъ исторической критикѣ, уже навѣрное въ томъ не повинной, что Несторъ случайно Яна не назвалъ Бояномъ, а авторъ Слова Бояна Яномъ? Но черницу, скажемъ кстати, какъ то не ловко было употреблять имя не вполне христіанское, пѣвцу же, знавшему, кажется, Омира, не слѣдовало называть дѣйствующихъ лицъ иначе, какъ только русскими именами, хотя у каждаго изъ нихъ было свое христіанское. Однихъ только князей, Романа и Давида, назвалъ онъ ихъ крестнымъ именемъ и также половецкаго Овлура (Лавра), но въ формѣ половецкаго языка, такъ же, какъ по нашимъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ одинъ половчинъ Юрій Ивановичъ названъ въ лѣтописи Оревомъ, конечно, уже не по половецкому произношенію слова. Слово Боянъ авторъ могъ, впрочемъ, употребить какъ помен appellativum, въ значеніи баяна и поэта, что намъ и кажется вѣроятнѣе. Къ этому мы еще придемъ.

Цѣлыхъ два вѣка гремѣла слава этого двуименнаго Оссіана на Руси, утопленная вдругъ, какъ можно предполагать, въ кровавыхъ волнахъ, воздвигаемыхъ отовсюду на русскую землю, ово отъ Татаръ, ово отъ Литвы и отъ Ляховъ. Крыломъ нашей злобѣщей Дѣвы-Лебедицы сме-

тались въ отчаянныхъ бояхъ наши вѣрныя подчища съ браннаго поля, сметались равно и буквы изъ келій монастырскихъ, изъ клѣтѣй боярскихъ. Не осталось ровно ничего. Еще только на дальнемъ сѣверѣ, послѣ Куликовской битвы, прогремѣла пѣснь автора „Задонщины“, грустное эхо нашихъ Бояновъ XI и XII вѣковъ, и опять все заглохло. Преподнесемъ же теперь мы, волхвы отъ многострадальнаго Галича, ливанъ и смирну патриарху нашей пѣсни, пѣвцу Яну, сыну Вышаты, внуку Творимира, а русскимъ именемъ — Святославу! Что именно такъ назывался нашъ древнерусскій пѣвецъ, мы это сейчасъ докажемъ при дальнѣйшемъ изъясненіи сего темнаго мѣста Слова. Но вернемся къ самому тексту.

Очень сильно затруднялись толкователи при чтеніи словъ: „Ольгова когана хоти!“ Слова эти остались необъясненными, хотя подобныя выраженія, какъ „коганъ, каганъ, ханъ, хотъ“ для каждаго только мало мальски знающаго свои лѣтописи и чужіе хронографы не больше, какъ самая первая азбука. Но занятые большею частью филологической стороною эпоса, корнесловами и формами толкователи жертвовали ядромъ для шелухи и мало обращали вниманія на смыслъ поэмы и логической ходъ мыслей автора, столь маловажный для филолога и столь цѣнный для того, кто знаетъ, что авторъ почерпнулъ свое образованіе и основу своего творенія именно изъ лѣтописей.

Подъ упоминаемымъ тутъ Олегомъ (Ольгова) надобно разумѣть (въ этомъ всѣ толкователи согласны) Олега Святославича, извѣстнаго Гориславича Слова. Но кто эта или этотъ „когана хоти“? Слово „коганъ“ означало впервые аварскихъ, позже козарскихъ кагановъ (владѣтелей), дальше половецкихъ хановъ, преемниковъ козарскихъ кагановъ у Дона и Азовскаго моря. Первосвященникъ евреевъ назывался *Kohen haggadol*. Слово „хотъ“ на старорусскомъ языкѣ — супруга. Оно можетъ, впрочемъ, означать подружіе женскаго, равно какъ и мужскаго рода, также вообще всякаго друга и пріятеля. Тутъ означаетъ

оно, безъ всякаго сомнѣнія, супругу, на что указываетъ женская форма прилагательнаго: „Ольгова“. Въ такомъ именно значеніи употребилъ авторъ это слово въ одномъ, самомъ прелестнѣйшемъ мѣстѣ поэмы (и своемъ мнѣмъ хоти, краснымъ Гльбовны). Если бы и не знать еще, что у этого Олега была половецкая (когама=княжеская) супруга, то можно при надлежащей интерпункціи и толковомъ чтеніи этого текста догадаться, что въ этой цитатѣ Бояна (Рекъ Боимъ) изъ какой то пѣсни пѣснотворца Святослава заключается обращеніе именно къ когановнѣ, половецкой супругѣ Олега. Можно затѣмъ безъ всякаго колебанія, пожалуй, и безъ помощи лѣтописей, дать Олегу, уже только по свидѣтельству сего мѣста, половецкую супругу. Мы такъ и догадывались при самомъ первомъ чтеніи Слова. Но читатель не повѣритъ намъ на одно слово, безъ лѣтописныхъ доказательствъ. Лѣтописныя данныя по этому вопросу поставлены, однако, такъ вскользь и такъ не встаетъ, что мы не можемъ уже и удивляться толкователямъ, недоглядѣвшимъ ихъ изъ-за горъ грамматическихъ формъ и корнесловія, омрачившихъ ихъ критическіе взоры. Вотъ относящіяся сюда мѣста: „Святославъ же (Ольговичъ) пришедъ съ Москвы и ста у Серепьсва и ту прійдоша къ нему послы изъ Половецвъ отъ уевъ его (братьевъ матери), Тюврака Осуколовича и Камосы, съ Васильемъ Половчиномъ 60 человекъ“ (Прим. къ II тому Ист. Государ. Рос. Карамзина, 302). Тутъ рѣчь о Святославѣ, сынѣ Олега Святославича, къ которому въ помощь пришли братья его матери, половецкіе ханы Осуколовичи, значитъ, у этого Святослава матерью была половецкая когаповна и *супруга отца его Олега*. Этотъ Святославъ былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ своими половецкими родными, о чемъ можно дальше убѣдиться изъ Ипатьевской лѣтописи, 25: „Въ то же время (1146) посла Святославъ въ Половцѣ *къ земъ своимъ* и прійде ихъ къ нему вборзѣ 300“. И вотъ эта Ольгова когама хоти,—ханско-половецкая супруга Олега! Она происходила изъ хановъ Осуколовичей, игравшихъ

во второй половинѣ XI вѣка видную роль въ русско-половецкой исторіи. Какіе то темные отзвуки слышны и у насъ, на Галицкой окраинѣ, отъ этихъ хановъ. Не отъ нихъ ли названіе села Сулуковъ въ Далинскомъ уѣздѣ и Сулукъ-села, участка деревни Дулибы близъ Стрыя?

Послѣ этой апострофы (Ольгова когана хоти!) слѣдуютъ дальнѣйшія слова къ ней: „Тажко ти головъ, кромѣ плесю, зао ти тѣла, кромѣ головы!“. Когановна находится, повидимому, въ какомъ-то тяжеломъ, грустномъ положеніи и пѣснотворецъ Святославъ утѣшаетъ ее. Можно найти и мотивъ этой скорби княжеской супруги, если только слѣдить внимательно за ходомъ мысли у автора Слова и не пренебрегать лѣтописными указаніями, хотя бы самыми мелкими и случайными. Вѣдь лѣтописи не писаны для Олега и Слова, но что въ нихъ уже есть объ этомъ Олегѣ, должно быть использовано критикой всецѣло для изъясненія сего мѣста объ Олегѣ и его половецкой супругѣ. Толкователи и тутъ проглядѣли одно важное указаніе. А вѣдь однажды около 1079 года былъ Олегъ Святославичъ, мужъ когановны, плѣнникомъ у Грековъ (Лавр., 87) и находился два года въ заточеніи на островѣ Родосѣ. Игуменъ Даніилъ говорить въ своемъ „Хожденіи“: „И въ томъ островѣ былъ Олегъ, князь русьскы двѣ лѣтъ и двѣ зимы“. Заключивши миръ съ императоромъ Никифоромъ 1078 г., стали Половцы союзниками Грековъ и по ихъ же наущенію схваченъ былъ Олегъ Тьмутороканскими Козарами и какъ неблагополучный претендентъ Тьмутороканскаго престола отведенъ плѣнникомъ въ Грецію. За все время этого плѣна находилась, должно быть, его супруга у своихъ половецкихъ, или, быть можетъ, русскихъ родныхъ, гдѣ, какъ изъ этой апострофы видно, воспѣвалъ ея одиночество и грусть пѣснотворецъ Святославъ. Въ подобномъ случаѣ, во время плѣна княжескаго супруга, довелось и автору Слова пѣть грусть и тоску Ярославны, несомнѣнно (этотъ вопросъ затронули мы въ другихъ главахъ), какъ очевидцу ея плача на стѣнахъ города Путивля. Мы ска-

зали тамъ также, что плѣненіе любимаго русскаго князя, особенно погаными, волновало умы современниковъ пуще самой смерти его на рати, а тутъ имѣемъ еще и доказательства, что такое событіе давало Руси поэтовъ и пѣсни. Много русскихъ князей умерло на рати и на своей печи, и не было по нихъ бояновской тризны, а плѣнныхъ, сколько намъ теперь на память приходитъ, оказалось только двое, но сейчасъ забренчали грустныя гусли Бояна = Святослава и нашего безыменнаго автора.

Изъ сопоставленія такъ называемаго „Плача Ярославны“ съ немногими строчками пѣснотворца о Когановиѣ можно судить о степени бѣдствія этихъ двухъ временно овдовѣлыхъ женщинъ. Ярославна стоитъ сама на стѣнѣ и заливаема пламенной, пантеистической лирикой. Ея нѣжная фигура будто видѣется въ раннемъ мракѣ на стѣнахъ Путивля, словно печальная постанокъ греческой поэтессы Саффо на Левкадійской скалѣ. Но русская Саффо славянская душа. Самый тончайшій аккордъ ея души звучить въ степи „въ полѣ безводнѣ“ и оканчивается безконечно грустнымъ эхомъ... Въ ней мы видѣли страстно любящую жену, видѣли ее на стѣнахъ своего города, и она будетъ тамъ ждать въ грусти и печали, пока этотъ вѣтръ, этотъ „Днѣпръ“, это свѣтлое, тресвѣтлое солнце не возвратятъ ей ея Игоря. Иное дѣло съ Когановной. Ее не видно на сценѣ, она, знать, и плавать не можетъ. За нее плачется пѣснотворецъ Святославъ. Она, кажется, такъ же бездомна, какъ и ея мужъ Олегъ, русскій княжескій изгой! Тяжело ложатся тѣни отъ словъ пѣвца на ея главу (тяжко ти—зло ти!). Это уже не поэзія, а старческая мораль... Если уже современный міръ называлъ ея мужа Гориславичемъ, то значительная доля этого эпитета падала, безъ сомнѣнія, и на ея главу. Въ семьѣ мужа разыгрывались тогда одни трагическія событія. Въ 1076 г. преставился самъ глава семьи — Святославъ Ярославичъ и несмѣтная его сокровища, видѣнная Бургардомъ, посломъ нѣмецкаго императора, исчезли какъ прахъ послѣ его смерти.

Не за что даже было вывезти изъ степи кости бѣднаго Романа и похоронить ихъ, что по тогдашнимъ понятіямъ считалось большимъ зломъ. Изъ за этого сокрушался, вѣдь и самъ Несторъ. Немного позже взялъ Святополкъ тѣло своего врага и тестя Тугоркана изъ степи для погребенія гдѣ то за Киевомъ, со всякими половецкими обрядами, съ закланіемъ угорскихъ комоной и проч., а богатой когда то семьѣ Святослава уже не хватало средствъ на погребальный обрядъ „краснаго Романа“! Въ 1078 г. убитъ былъ Половцами, собственно же Козарами, какъ уже сказано, Романъ. Почти одновременно съ нимъ погибъ братъ его Глѣбъ Святославичъ въ отдаленномъ Заволочьи, палъ дальше большой другъ семьи и союзникъ Олега подъ Черниговомъ въ борьбѣ съ Изяславомъ Ярославичемъ — Борисъ Вячеславичъ, наконецъ еще и скитальчество супруга и его заточеніе на островѣ Родосѣ!... Слишкомъ много трагическихъ мотивовъ для домовника княжескаго двора, обладавшаго нѣвѣскимъ даромъ! И какъ же не обратиться ему къ сиротствующей и изъ цѣлой, когда то численной и богатой семьи почти одной оставшейся невѣстѣй, со словами: Тяжко, бѣдная, твоей головѣ безъ всякой опоры, зло твоему дому безъ головы. Эти слова могли впрочемъ относиться и къ мужу, оставшемуся безъ плечей и къ супругѣ, оставшейся безъ головы. Временное вдовство — обоюдное зло!

Но что могло заставить нашего автора вспоминать въ этомъ мѣстѣ сиротствующую безъ мужа Когановну и воспроизводить тутъ слова пѣснотворца Святослава? Повидимому, только вдовство русской земли безъ Игоря. Онъ и восклицаетъ затѣмъ, прибавляя къ приведеннымъ словамъ Святослава: „Тяжко оно, зло оно было безъ мужа Олега сиротствующей Когановнѣ, но такъ же тяжко оно и зло оно русской землѣ — безъ Игоря“! Русскую бѣдствующую землю представляли себѣ въ это время вдовою. Припомнимъ слова Димитрія Волынскаго въ ночь предъ Кулибовской битвой: „Слышахъ землю плачущую на двое: едина страна, аки вдовица нѣбая“...

Мысль автора не была, знать, въ состояніи избѣ-
жать тутъ драматическаго образа грустящей по мужу Бо-
гановны, а желая быть краткимъ и не растягивать своего
сильнаго и сжатаго слога (чѣмъ онъ собственно и затем-
нился), поставилъ онъ слова пѣснотворца Святослава:
Ольгова когана хоти! и проч. и свои собственные: „Ря-
ской земли безъ Нгора!“ Подъ однимъ словомъ и выпило
затѣмъ одно положеніе, столь искусственно составленное
и столь темное до сихъ поръ: Оно тяжко, оно зло тебѣ,
Ольгова хоти, безъ твоего Олега, сказавъ древле Свято-
славъ, то такъ же тяжко и такъ же зло оно вдовствующей
безъ Игоря русской землѣ — се говорю я пѣвецъ —
второй Боянъ! (Рекъ Коимъ). Вся сила заключается въ
последнихъ словахъ реченія: „Ряской земли безъ Нгора!“
Это именно только и хотѣлъ сказать авторъ, но онъ по-
чему то ухитрился связать эти слова съ параллельнымъ
эпизодомъ русской исторіи. Эти слова даютъ намъ ключъ
къ развязкѣ этого столь темнаго до настоящаго времени
вопроса, кто тутъ этотъ Боянъ, произнесшій, такъ ска-
зать, за одинъ духъ (Рекъ Коимъ) это цѣлое искусствен-
ное положеніе, и кто этотъ Святославъ, пѣснотворецъ
старога времени Ярослава, вскользнувшій какъ то цита-
томъ въ это положеніе?

Не чувствуетъ ли уже и самъ читатель, что въ этомъ
мѣстѣ Слова роли нашихъ двухъ пѣвцовъ перемѣнились,
что имя Бояна взялъ тутъ самъ авторъ Слова на себя,
вынужденный въ этому ассоціаціонною потребностью, вти-
снуть слова настоящаго Бояна вмѣстѣ съ своими въ одно
сжатое положеніе, то есть, что Боянъ рекшій (Рекъ Ко-
имъ) и ходившій на Святослава, не кто другой, какъ ав-
торъ Слова, а этотъ пѣснотворецъ Святославъ, конечно,
только нашъ давній знакомый — настоящій вѣщій Боянъ,
соловей старога времени. Даже если вслушаться въ тонъ
этихъ немногихъ строчекъ Святослава: „тяжко оно, зло
оно и проч.“ и въ тонъ прежней пѣсни Бояна о Всесла-
вѣ: „Ни хитря, ни гораздъ и проч.“, то получается впе-
чатлѣніе одной поющей груди, старческой уже и рассу-

дательной. Въ ней чутся практическая мудрость народныхъ пословиць.

Благодаря искусственному слогу въ этомъ цѣломъ реченіи, мы можемъ теперь знать, что этотъ Янъ = Буй Янъ = Боянъ назывался русскимъ именемъ — Святославъ. Мы подтвердимъ еще это наше мнѣніе. Просимъ только при-смотреться въ цѣлому складу реченія, и не ясно ли, что все то, что стоитъ за словами „Рекъ Боянъ“ говорится отъ его имени, слѣдовательно, и окончательное восклицаніе: „Руской земли безъ Нгора!“ Но который же Боянъ могъ говорить объ Игорѣ, Боянъ ли XI вѣка, или же Боянъ XII вѣка, современникъ Игоря и его пѣвецъ?

Авторъ Слова связалъ даже свое послѣднее реченіе: „Руской земли безъ Нгора“ такъ тѣсно съ предыдущей цитатой посредствомъ словъ: „тяжко... зло...“, что не можетъ быть уже и малаго сомнѣнія на счетъ того, что Боянъ въ словахъ: „Рекъ Боянъ“ именно — онъ самъ. Если же ему понадобилось назвать тутъ себя самаго Бояномъ, то онъ, ссылаясь сейчасъ на этого Святослава, никакъ не могъ уже употребить вторично слово Боянъ. Онъ былъ принужденъ къ стѣнѣ своими собственными соображеніями и волей неволей высказалъ намъ русское имя стараго Бояна. Остается еще какъ бы то ни было доказать, что авторъ Слова никого другого не подразумѣвалъ подъ пѣснотворцемъ Святославомъ, какъ только самого, настоящаго Бояна. Уже изъ словъ: „пѣснотворца стараго времени Ярославка“ сквозитъ что то тождественное съ вѣщимъ Бояномъ, о которомъ нашъ авторъ говоритъ раньше: „та преди пѣснь поише старому Ярославку“. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ авторъ Слова такъ: „Были кѣни Троици, мнзла лѣта Ярославка; были плъци Ольговы, Ольга Святъславана...“

Это какъ бы хронологическій перечень Бояновскихъ пѣсней. Воспѣтъ былъ вѣкъ Трояновъ (Рюрика Синеуса и Трувора по А. Петрушевичу) неизвѣстно кѣмъ, дальше лѣта Ярослава, конечно, Бояномъ и Святославомъ по Слову, дальше были воспѣты бѣдственныя времена и

бой Олега, по Слову опять этимъ же Бояномъ. Но этотъ Боянъ — Янъ Вышатичъ, какъ мы уже выше показали. Мы находимъ его въ 1071 г. воеводою Ольгова отца, Святослава Ярославича, значить уже и домовникомъ семьи, а на дворѣ Святослава кипѣла буйная жизнь при его молодыхъ, удалыхъ сыновьяхъ, красивомъ Романѣ, добродушномъ Глѣбѣ, мятежномъ Олегѣ, авантюрныхъ искателяхъ Тьмутороканскаго стола; звенѣли гусли и кимвалы, лились эпическія пѣсни старцевъ... Почти невысказано, чтобы бурный духъ княжескихъ буйцевъ и ихъ, почти всѣхъ, трагическая судьба не настраивали гусли домовника княжескаго двора, какимъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, воевода, и позже тысяцкій Кіева, вѣщій Янъ — Боянъ! Мы и знаемъ изъ Слова, что Боянъ пѣлъ „красномъ Романови Святъславичю“, но и пѣснотворецъ Святославъ пѣлъ невѣсткѣ Святославичей „Ольгова когана хоти!“, безъ сомнѣнія, также какъ домовникъ семьи и очевидецъ ея одиночества и грусти. Какое дивное совпаденіе вѣщнихъ обстоятельствъ! Два поэта, одинъ дворъ — два имени, одна пѣснь!

Но мы позволимъ себѣ привести еще одно мѣсто изъ Слова, которое сблизитъ тѣсно обоихъ пѣвцовъ въ глазахъ читателей и сдѣлаетъ ихъ сообщниками однихъ чувствъ и одной пѣсни объ Олегѣ и его Коганей хоти, словно и пѣлъ только одинъ.

„О Божие, соловію старлго времени!..... Пѣти было пѣснь Игоревн того (Олега) князю: „Не бврд соколы занесе урезъ пола широким; галнци стады бѣжатъ къ Дону великомъ!“ — восклицаетъ авторъ Слова. Онъ хочетъ, чтобы Боянъ также пѣлъ его Игорю, какъ онъ въ свое время пѣлъ дѣду, Олегу. Слова: „Не бврд соколы занесе“ до „къ Дону великомъ“ включительно, заимствованы, безъ сомнѣнія, изъ пѣсни Бояна. Къ чему же могли они относиться, если не къ бѣгству этого дѣда Олега къ Дону великому — въ Тьмуторокань? Тогда то и былъ Олегъ схваченъ Козарами и переданъ Грекамъ. Затѣмъ слѣдовало его заточеніе на островѣ Родосѣ и временное си-

ротство Когановны. Кто же, спросимъ мы, воспѣвалъ послѣ этого семейнаго удара и дальше грусть Когановны, если не тотъ, кто начерталъ бурю, занесшую Ольговыхъ соколовъ къ Дону великому и галичьи стада (половецкіе полки) бѣгущія противъ нихъ, если не Янъ—Боянъ, русскимъ именемъ Святославъ? Пѣснь о Когановнѣ словно только продолженіе пѣсни о соколахъ, летящихъ во главѣ Олега, — къ Дону великому!

Мы не можемъ дать больше доказательствъ за Бояна — Святослава, но мы чувствуемъ, что хоть мало мальски развѣяли туманы, висѣвшіе надъ этимъ темнѣйшимъ мѣстомъ и указали, что Боянъ этого мѣста (Рѣкъ Коимъ) самъ авторъ этого Слова, а Святославъ русское имя подлиннаго Яна = Буй-Яна = Бояна. Только благодаря искусственному складу цѣлаго реченія отъ словъ: „Рѣкъ Коимъ“ до „Руской земли безъ Нгора“ включительно, мы узнали изъ устъ самого автора русское имя древняго нашего пѣвца, но кто раскроетъ намъ имя второго, то есть автора нашего Слова? Не скрыто ли оно случайно такимъ же самымъ преемственнымъ манеромъ отъ поэта до поэта въ „Задонщинѣ“, пѣсни третьяго пѣвца Руси? Поищите-ка только прилежно господа критики!..

Невольно хочется еще спросить, почему это мѣсто такъ долго оставалось темнымъ? Потому, что не было въ спискѣ подобающей нынѣшнему слогу интерпункціи, сказать вѣрнѣе, не было никакой, а первые издатели, должно быть, совѣстились давать такую при неустановившемся еще текстѣ, чѣмъ собственно и сохранили его цѣлость. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ потому, что толкователи читали Слово, какъ рѣдкую грамматическую находку, возились очень прилежно при корнесловахъ и формахъ, и духъ эпоса закалалъ въ честь филологическаго Ваала. Въ-третьихъ потому, что многіе толкователи считали слово „Боянъ“ собственнымъ именемъ, какимъ оно въ сущности и было, хотя только отчасти. Такъ, напримѣръ, находимъ въ Новгородѣ Боянову улицу, „Загорѣся на Бояни ульѣ“ (Новг. лѣт. I, 73). Никто, вѣдь,

не станеть утверждать, что улица названа была отъ пѣвца, а не отъ частнаго человѣка. Впослѣдствіи стало это личное имя отъ лучей его вѣщаго носителя кристаллизироваться и увлываться въ умахъ какъ названіе поэта, и въ такомъ смыслѣ употребилъ его авторъ Слова о себѣ въ словахъ: „Рекъ Боинъ“. Этому ассоціаціиному процессу мысли могло поспособствовать еще и то, что есть въ старославянскомъ языкѣ терминъ „баянь“ отъ баять, рассказывать, означающій, по А. Афанасьеву, пѣвца и чародѣя. Аналогичный случай находимъ въ Вениминѣ, сынѣ болгарскаго царя Симеона, умершемъ около 950 г. Его называли также Бояномъ: „*Vajanum autem adeo fere magicam dedicisse, ut ex homine subito fieri lupum, quamvesumque cerneres feram*“ (Liutprand, Antapod. III. 29). Онъ обладалъ искусствомъ превращаться въ волка или любаго звѣря, подобно нашему Всеславу Полоцкому, о которомъ нашъ авторъ говорить: „*Дше и вѣца душа въ дрызъ тѣлѣ*“. Любопытно бы знать, отъ чего получилъ этотъ болгарскій царевичъ названіе Бояна, отъ сокращеннаго ли своего крестнаго имени Венимина, или отъ своего вѣщунства. Вѣроятно, одно пособляло другому, Вениминъ вѣщуну, баяну, а Боянь вѣщуну такъ же, какъ у насъ Янь = Буй Янь Бояну, а баянь, по А. Афанасьеву, поэтъ и чародѣй, скристаллизировавшемся личному имени „Боянь“. Въ механизмѣ человѣческой рѣчи есть свои неуклонныя правила, но онъ избѣгаетъ тонкаго анализа. Можно вѣрить въ то, что подсказываетъ тонкій слухъ души, но можно и не принимать то, въ чемъ не можно убѣдиться во очію.

Толкователи знали тутъ имя Бояна не какъ обозначающее всѣхъ пѣвцовъ и вѣщихъ людей вообще, а какъ крупную поэтическую личность, засвидѣтельствованную Словомъ. Когда, напримѣръ, Грекъ слышалъ слова своего поэта ¹⁾, то онъ зналъ, что подъ богиней ему на-

¹⁾ Приведемъ здѣсь въ нѣмецкомъ переводѣ по Іоанну Г. Фоссу:

добно разумѣть особое божество, Музу, какъ личность, не какъ поэзію и поэтку, хотя, конечно, между этимъ божествомъ и поэзію и поэтами была тѣсная связь. Толкователи привыкли изъ Слова воображать себѣ Бояна какъ конкретную личность, при этомъ мастера древнихъ пѣснопѣній, ничто же сумняшеса, шли себѣ дальше преспокойно на ученыхъ котурнахъ своимъ шаблоннымъ филологическимъ путемъ. Но они уже были въ своей филологической ловушкѣ. Имъ и въ мысль не приходило, что авторъ сдѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ текста такое капризное *changez-razvez*, назоветъ тутъ самъ себя Бояномъ, то есть пѣвцомъ, а прижатый къ стѣнѣ аляноватостью собственнаго слога (въ цѣломъ Словѣ нѣтъ столь тяжелаго и нескладнаго реченія!), выскажетъ невольно русское имя Бояна — Святослава. Мы шли своимъ методомъ, не подчиняли однимъ формамъ духа эпоса, вникали въ пламенную душу автора сообразно съ лѣтописными данными, и она дала намъ — отвѣтъ... Но довольно!..

Передаемъ сей отрывокъ изъ нашего пространнаго критическаго сочиненія на судъ компетентныхъ людей. Мы избрали дѣйствительно самое темнѣйшее мѣсто текста. Ихъ осталось еще пѣсколько въ Словѣ, уважемъ, на примѣръ, на очень загадочное о Всеславѣ: „Тѣи ключаки подрѣса о кони...“ и др. Наши изслѣдованія этого мѣста дали намъ также очень интересные результаты; не меньше ясно и убѣдительно проглаголяли и другія мѣста, пожалуй, только отъ нашего собственнаго метода, читать Слово, но никогда безъ мысленнаго присутствія души автора. При такой массѣ формальныхъ мелочей, какія представляетъ добросовѣстный разборъ Слова для важдаго критика, мы этимъ единственно и избѣгли участи тѣхъ, о которыхъ сказано: „*Camelum deglutientes, muscam autem devorantes*“... Уже и не говоримъ о всѣхъ Дивахъ, Обидахъ, Жляхъ, Дажьбогахъ и Стри-

Singe den Zorn, o Göttin des Peleiaden Achilleus
Ihn, der entbrannt den Achaiern unnennbaren Jammer erregte!..

богахъ, которыхъ авторъ добросовѣстно изучалъ, не только какъ критикъ, но и какъ любознательный священникъ, хотѣвшій узнать вѣру языческихъ предковъ.

Мы не хотимъ однако утверждать, что мы, относительно разбираемаго теперь мѣста, сказали послѣднее слово критики; хотя, судя по этой простой кесарской операціи, однимъ только восстановленіемъ надлежащей интерпункціи, безъ малѣйшаго нарушенія текста, едва ли уже и возможенъ другой смыслъ, чѣмъ тотъ, который мы тутъ вывели. Мы поставили передъ реченіемъ: „Русской земли безъ Игоря!“ паузу, какъ отдыхъ автору и читателю послѣ затруднительнаго цитата и какъ грань отъ него, и не подлежить сомнѣнію, что читатель захочетъ подыскать для этого вноснаго предложенія главное и найдетъ его безъ затрудненія въ началѣ текста, въ словахъ: „Рекъ Боянъ“. А это уже именно то, *quod erat demonstrandum!* Этотъ Боянъ — Боянъ Игоря, то есть самъ авторъ Слова, а не Боянъ, соловей стараго времени, ибо сей жилъ въ XI вѣкѣ и не могъ знать Игоря и пѣть о русской землѣ безъ Игоря. Пусть однако ученые критики скажутъ, что мы неправы. Тѣмъ лучше. Они должны будутъ привести вѣскія и очень вѣскія доказательства при своемъ опроверженіи, на чемъ, впрочемъ, русская словесность не потерпитъ, только паче освѣжится по крайней мѣрѣ таинственный остовъ сего знаменитаго словеснаго памятника. Будь это германскій памятникъ, онъ былъ бы уже давно до косточки разобранъ; а у насъ, славянскаго племени, требовался цѣлый вѣкъ слишкомъ для неполнаго еще разъясненія памятника, равнаго которому не имѣется у Германцевъ! Но пусть критики только поревнуютъ. Имъ придется взяться опять за прилежнѣйшее чтеніе лѣтописей, изучать культурный фонъ XI и XII вѣковъ по поводу Бояна, искать его въ Новгородѣ на „Бояновой улкѣ“, а то и въ Печерской Лаврѣ на одной скамьѣ съ преп. Несторомъ, прислушивающимся къ баяніямъ вѣщаго друга, при трескѣ сверчка въ печкѣ, а то и у Бѣлозера и у Зарѣчьска, на рати съ

Половцами (1106 г.), девяностолѣтняго старца въ самый годъ смерти—еще на конѣ!..., грустить дальше съ Когановой въ гридниці вдовствующей уже тещи, или въ степи между ея половецкими Осуколовичами, бродить съ гориславнымъ изгоемъ Олегомъ изъ Волыни въ Черниговъ, изъ Чернигова въ Тьмуторокань, и паки въ Черниговъ изъ Тьмуторокани, а затѣмъ опять въ этотъ Тьмуторокань и тутъ въ Родосъ и паки въ Тьмуторокань и т. д. Будеть это Одиссея, совсѣмъ похожал на нашу, но не кончится ли она также въ этой самой Итакѣ, въ которой и мы пришли?..

Какъ малороссъ, галичанинъ, изъ той австрійской планеты, гдѣ не живутъ настоящимъ, а дышуть только прошедшимъ, я не могу скрыть тайнаго желанія, чтобы какъ не объяснился еще вполнѣ этотъ нашъ словесный Китай въ продолженіи цѣлаго вѣка, такъ же бы онъ и не объяснялся и дальше и служилъ долго миражемъ для фантазій, ристалищемъ для русскаго духа! Въ этой таинственности, во мракѣ этого нашего древняго очага лежитъ его великое, его невысказанное обаяніе. Сокровенныя двери заманчивы, а у пещеры угодника, гдѣ тускло теплится лампада, нерѣдко больше богомольцевъ, чѣмъ въ ярео освѣщенныхъ храмахъ. Особенно же тебѣ, моя родина, тебѣ, мой дорогой несчастный Галичъ, поверженный въ мракъ и нищету, стоящій подъ себвестромъ недружной тебѣ руки, тебѣ нужна лампада изъ погасшихъ костровъ древней хвалы и тебѣ ее заботливо поддерживать. Погаснетъ она — погаснешь и ты!... Когда бѣгутъ отъ насъ (центробѣжно) осколки нашего жизненнаго ствола, ломимые и крошимые нашими домашними слѣпцами, не могущими возвыситься надъ своими діалектическими вербами, калинами и вышивками; подобаеть намъ, зрящимъ людямъ, тѣмъ паче очищать отъ нанесеннаго мусора нашъ древній очагъ и тѣсно плотиться вокругъ него. Слово о полку Игоревомъ, это общій базисъ одного культурнаго строя всего русскаго народа. На его почвѣ не грозны намъ никакія разъединительныя затѣи. Пусть

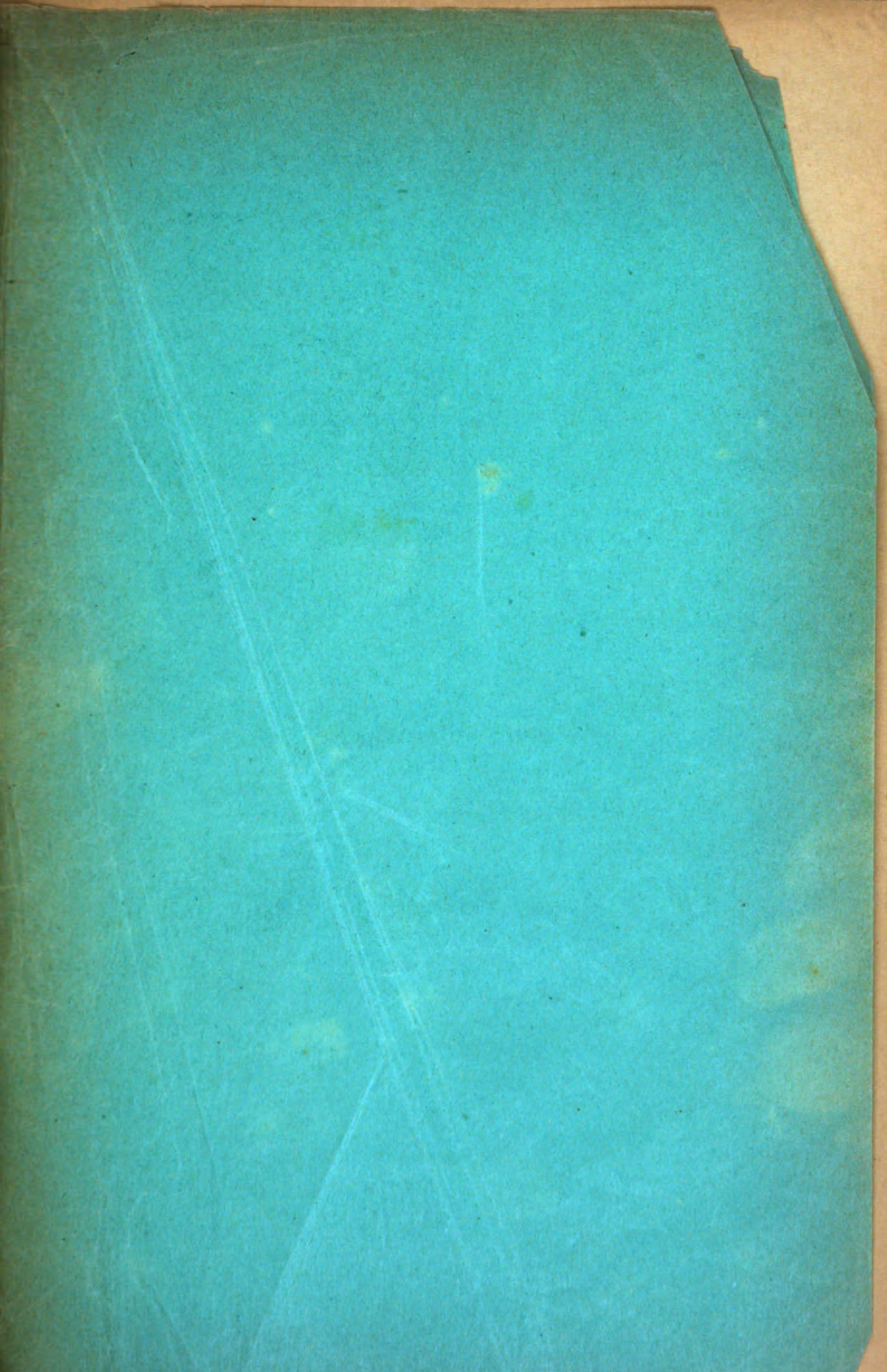
Галицкая Русь и гинеть, когда уже сама не хочет жить, но и за ея Ахеронтомъ вопіять будетъ этотъ памятникъ объ ея единомъ прошломъ съ всею прочею Русью, съ Всеволодомъ на Дону и Волгѣ и съ рыцущимъ „влькомъ“ Всеславомъ у прибалтійской Немиги. Но мы хотимъ жить, пожалуй, хоть уже и этой скудной жизнью, какую навязалъ намъ рокъ. Мы хотимъ жить, какъ дивный, своеобразный плодъ культуры, пересѣченной по Божьей волѣ всякими разнородными стихіями, и принести въ свое время также свой плодъ. Ничто не пропадаетъ въ мірѣ, тяжелые опыты и по давно. Вѣдь и тернистая агавя долго разрѣшается отъ бремени своего дивнаго цвѣта. Наша жизнь издавна терніемъ переткана, только еще отъ воды, воздуха и солнца не оттолкнула насъ недружелюбная рука; но глухаго, пѣсеннаго стона отъ береговъ нашей земли не могла она отстранить отъ нашего слуха. Все наше цѣлое и святое лежитъ въ прошлыхъ, помершихъ звѣздахъ... Тамъ пова и сонный молекуль нашего дивнаго агавнаго цвѣта. Только раскрывать бы намъ эти звѣзды, изучать и познавать, не прельщаясь никакими миражами настоящей поры!...

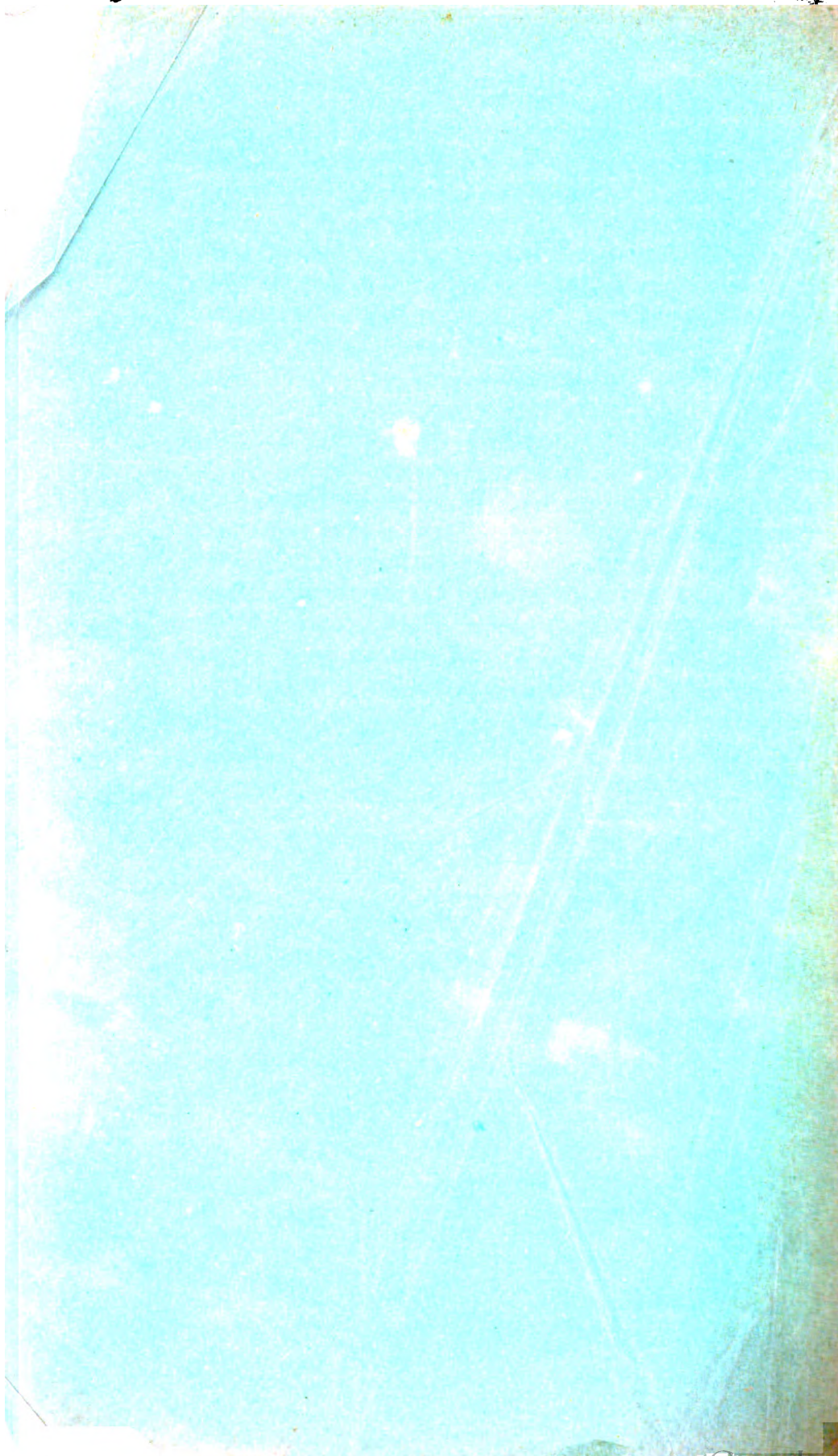
В. Д. Залозецкій,

(священникъ с. Горне п. п. Стрый).

Октябрь. 1900.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.

~~DUL APR 1 37~~

LIBRARY OF CONGRESS

